

Віктор Барвінський, історик Гетьманщини

Барвінський Віктор Олександрович (28.11.1885 с. Базаліївка Вовчанського повіту Харківської губернії – бл.1940 р. Тайшетлаг) – один із найзначніших дослідників соціально-економічного устрою Лівобережної України XVIII ст., архівіст. Уже його випускна студентська робота «Крестьяне в Левобережной Малоросии в XVII – XVIII вв.» 1908 р. була відзначена золотою медаллю (див. відгук на неї проф. Д.І.Багалія [1]) і надрукована в «Записках» Харківського імператорського університету [5]. Однак, радше, ця праця скидається на апологетику попередника – Олександра Лазаревського, якому й присвячена.

Вважається, що Барвінський був «учнем» Д.І.Багалія. З цим науковцем В.О. дійсно пов'язували теплі дружні стосунки й праця в установах очолюваних цим ученим. Але, здається, вирішальніший вплив на Барвінського здійснив інший науковець, В.Ю.Данилевич, який викладав у Харкові у 1903 – 1906 рр. У листі до останнього 8 квітня 1908 р. Барвінський зазначив низку цікавих фактів свого наукового становлення: «Мне в высшей степени жаль, что Вы покинули Харьков и я не имею возможности посоветоваться и посоветоваться с Вами. А я многим считал себя Вам обязанным, не говоря уже о Ваших лекциях, в которых Вы, один в нашем университете, проводили идеи экономического монизма и, что особенно ценно, – это понимание исторического процесса логически вытекало у Вас из анализа источников. Вы преподали мне первые уроки чтения документов по Чугуевской переписке, что мне очень помогло» [11]. Важливо зазначити, що самі публікації Барвінського швидше за все нагадують саме публікації Данилевича, де спочатку йде невелика вступна частина, а потім, найголовніше для документаліста, публікація певного документу (порівняй публікації, що знаходяться поруч у 18 му томі «Сборника ХИФО» [2; 9]). Після закінчення університету Барвінський викладає в гімназіях Харкова, співпрацює з установами Харківського історико-філологічного товариства. Робота в архіві Харківського історико-філологічного товариства, де зберігався основний пласт джерел з історії Гетьманщини сприяла великій кількості публікацій Барвінського згаданого кшталту «розкиданих» по різноманітним виданням 1907 – 1917 рр.: «Сборник Харьковского историко-филологического общества», «Журнал министерства народного просвещения», «Труды Полтавской ученой архивной комиссии» (де дослідник у 1912 р. надрукував дані генерального слідства про маєтності Миргородського полку 1729–1730 рр.), «Записки наукового товариства ім. Т.Шевченка», «Украина», «Южный край» тощо. Укладення бібліографії Барвінського досить потрібна й, на жаль, доволі складна річ.

Але дивитися на В.О. як на науковця архівіста, зацікавленого лише в дрібних, причинкових студіях було б великою помилкою. Барвінський чи не найпершим з харківських істориків сприйняв схему української історії М.С.Грушевського. В одній із своїх публікацій 1910 р., нарікаючи на нерозробленість історії Гетьманщини, Барвінський зазначив: «Известная схема «общерусской» истории, по которой история украинского народа, как

самостоятельного целого, достойного отдельного изучения, начинается лишь с XV ст., сыграла также свою отрицательную роль в этом отношении. Схема эта, нужно заметить, в научном отношении совершенно не состоятельна и доживает последние дни”, при цьому автор покликається: “Смотри блестящую критику ее в статье М.Грушевского “Звичайна схема “русскої” історії й справа раціонального укладу історії східного слов’янства”...” [4, с.1]. Найголовніше у вступі до цієї статті оптимізм Барвінського: “Таким образом, мы кладем лишь небольшой камень в будущее стройное здание украинской истории”. Також треба зазначити, що Барвінський був одним із творців нової термінології, подекуди замінюючи назву “Малоросія” чи “Гетьманщина” на “Лівобережну Україну”, словотвір який пізніше добре прижився в радянській історіографії. Хоча усі три назви у дослідженнях Барвінського співіснують.

Справжніми, як на сьогодні, зразками наукової творчості, є історіографічні праці Барвінського. Вони присвячені діяльності близьких йому людей: Д.Багалія, Є.Іванова. Особливо зворушливою на цьому тлі виглядає оцінка доробку Д.П.Міллера, як можна здогадатися, близького приятеля Барвінського, завчасно померлого й досить вагомого дослідника української історії XVIII ст. Власне у цьому некролозі Барвінський висловлює досить цікавий жаль, який напевно стосувався і його самого: «Свои работы он посвятил истории Украины, которую так горячо любил. Хотя они и не написаны на украинском языке, однако известны всякому культурному украинцу» [3, с.16].

Після подій 1917 р. Барвінський викладач історії України в Харківському інституті народної освіти, з 1922 р. дійсний член науково-дослідчої кафедри історії української культури (про діяльність цієї установи див.[6]), впродовж 1922 – 1926 рр. керував її історичною секцією, з 1926 р. член академічної комісії для виучування західньо-руського та українського права Всеукраїнської Академії наук, співробітник Українського інституту матеріальної культури (до 1932 р.). Сферою наукових зацікавлень Барвінського залишалося організація управління, фінансової справи та господарства Гетьманщини XVIII ст. Основною роботою ж, якій науковець присвятив значну частину свого життя, стала організація архівної справи у Харкові. В першій половині 20-х рр. він займав ряд низькооплачуваних посад в архівних установах, стояв біля витоків часописів “Архівна справа” та “Радянський архів”, у яких часто друкувався, особливо щодо дослідження архівознавства та історії архівних установ. З 1929 р. – завідувач Центрального архіву давніх актів у Харкові.

Уже в листі до Д.І.Багалія від 4 серпня 1931 р. Барвінський пише про розгромні виступи щодо десятого тому збірника кафедри історії української культури, “что в кафедре было раболепствующее окружение для молодых историков..., что кафедра готовила потенциальных вредителей.”. На цьому ж листі науковець зазначає: “Стараюсь... зарабатывать деньги, чтобы куда либо поехать”[10]. Однак Барвінський залишився у Харкові. Влітку 1937 р. його заарештовано й 26 серпня засуджено особливою трійкою НКВС по Харківській області до 10 років ув’язнення. Справа переглядалася 1940 р., але з’ясувалося,

що В.О. уже немає в живих. За довідкою ГУЛАГ НКВС СРСР Барвінський за нез'ясованих обставин загинув у Тайшетлазі [8, с.43].

Головну “дитину” науковця, Центральний архів давніх актів у Харкові унаслідок укрупнення і централізації архівів в середині 60-х рр. ХХ століття вивезли до Центрального державного історичного архіву України в м. Києві.

Пропонована стаття В.Барвінського, цікавий факт виборної системи для управління сотнею, основною адміністративною одиницею Гетьманщини. Переплетення традицій демократичної прикордонної козацької спільноти та станових, спадкових тенденцій у середовищі нової еліти, козацької старшини визначали політичне життя Лівобережної України другої половини ХVII – першої половини ХVIII ст. Дана розвідка надрукована у 18-му томі “Сборника Харьковского историко-филологического общества” 1909 р. на пошану проф. М.Ф.Сумцова й не втратила наукового значення дотепер.

Бібліографічні посилання:

1.Багaley Д.И. Отзыв о сочинении «Крестьяне в Левобережной Малороссии ХVII – ХVIII вв. по печатным и архивным данным» // Записки императорского Харьковского университета. – 1908. – Кн.1. – С.12-17.

2.Барвинский В.А.Выборы сотника в м.Носовке в 1735 г. // Сборник Харьковского историко-филологического общества. – Харьков, 1909. – Т.18. – С.398 – 403.

3.Барвинский В.А. Дмитрий Петрович Миллер (Биографический очерк) // Памяти Дмитрия Петровича Миллера. (Отдельный оттиск из V Выпуска Вестника Харьковского историко-филологического общества). – Харьков, 1914. – С.11-23.

4.Барвинский В.А.Коммисия экономии описных Ее императорского Величества маетностей; причины ее учреждения и ее деятельность (Отдельный оттиск из Трудов XIV Археологического съезда. – Т.3.). – М., 1910. – 21 с.

5.Барвинский В.А. Крестьяне в Левобережной Малороссии в ХVII – ХVIII вв.// Записки императорского Харьковского университета. – Харьков, 1909. – Кн.3. – С.1-296.

6.Богдашина О.М. Діяльність Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури ім. академіка Д.І. Багалія (1921 – 1934 рр.). – Харків, 1994. – 195 с.

7.Бутич І.Л. Барвінський В.О. // Радянська енциклопедія історії України. – К., 1969. – Т.1. – С.110.

8.Бутич І.Л., Коваль О. Барвінський Віктор Олександрович // Українські архівісти. Біобібліографічний довідник. – Вип.1. (ХІХ ст. – 1930-ті рр.). – К., 1999. – С.42 – 43.

9.Данилевич В.Е. Роспись борошню детей И.Н.Дзинковского // Сборник Харьковского историко-филологического общества. – Харьков, 1909. – Т.18. – С.391-397.

10. Институт рукописів Національної бібліотеки України ім. В.Вернадського. – Ф.І, спр.45556.

11. Институт рукописів Національної бібліотеки України ім. В.Вернадського. – Ф.ХХІХ, спр.935.

Додаток

Барвинский В.А. Выборы сотника в М. Носовке в 1735 г. // Сборник Харьковского историко-филологического общества. – Харьков, 1909. – Т.18. – С.398-403.

Социально-экономический быт гетманской Малороссии до сих пор, несмотря на далеко подвинувшуюся вперед разработку источников, остается мало выясненным. В лучшем положении находится исследователь ХVIII в., когда социальная эволюция принимает уже определенные формы, а сохранившиеся до наших времен источники позволяют сделать некоторые заключения, хотя бы даже и общего характера. Но все-таки приходится сознаться, что

многие важные вопросы внутренней истории Малороссии ждут еще серьезной научной разработки, и в настоящее время приходится решительно отказаться от обобщений в этой области. Предлагаемые вниманию читателей очерки имеют своей целью, не претендуя на серьезное научное значение, осветить несколько вопросов об отношении населения к выборному началу, проникавшему во все стороны жизни Гетманщины. Здесь мы будем рассматривать отношение населения к выборам сотников, в виду того, что эта власть ближе всего стояла к населению, и оно непосредственно было в этом заинтересованно.

Вышедши обновленной из бурь революционного периода, Украина признала над собою власть московского царя, сохранив за собою права автономного государства. Участие народа в правлении, выражавшееся в выборе «вольными голосами» должностных лиц от атамана и войта до гетмана, как оно ни было неприятно для московского самодержавия, не было ограничено и договорными статьями. Первое время после 1654 года, когда социальные и экономические различия крылись в глубине, не смея открыто выступить на поверхность, в украинском обществе царил демократизм: ничто не напоминало о том, что невидимо внутри его борются общественные силы и уже закладываются основы нового порядка. Казачество было символом свободной жизни. Население, только что вынесшее на своих плечах всю тяжесть освободительной борьбы, стремилось попасть в ряды казачества. Особых выгод казачье звание и не могло представлять, когда прежний общественный строй, на крайних полюсах которого стояли паны и подданные, не существовал более на территории Украины, будучи скасован «козацкой шаблей». Стихийное движение населения в казачество естественным образом улеглось, и дело ограничилось тем, что, по свидетельству старожилов, «можнейшие пописались в козаки, а подлейшие остались в мужиках» [1]. Но слово мужик никоим образом не указывало тогда на зависимое, подчиненное положение. Товариство и посполство «были равны по правам, отличаясь лишь фактическим положением» [2]. Безусловное владение землею, никем не оспариваемое, давало посполитым возможность пользоваться почти всем продуктом своих трудов; лишь небольшую часть его давали они на нужды войскового скарба в виде натуральной повинности. Громада посполитых, пользуясь правами юридического лица, распоряжалась общественными землями, судила своих провинившихся сочленов и, наконец, выбирала своего представителя войта. Нам кажется, и не без основания, что посполитые, если и не участвовали фактически в выборе сотников, то оказывали большое влияние на это избрание. XVII столетие и начало XVIII-го было временем, когда выборное начало служило сильным оружием в руках населения, особенно в выборе сотников. Следствием такого порядка являлось отсутствие строгой чиновной иерархии; один и тот же человек мог занимать последовательно то высшие, то низшие должности [3]. Но параллельно с развитием социально-экономического процесса, вызывавшего расслоение доселе однородного общества, стали в этой области замечаться симптомы, указывающие на падение выборного начала. Рядовое казачество выделяло из своей среды будущую привилегированную знать, члены которой, попав раз на выборную должность, по истечении срока не хотели ворочаться в прежнее состояние, и поэтому, занимая уряд, они усердно клали камни для своего благополучия. Способов для этого было много: маетность, предназначенная на уряд с правом пользоваться помощью посполитых, давала им возможность хорошо вести хозяйство и продавать избыток продуктов, судебная власть служила источником дохода в виде вполне легальных «накладов», приносимых судившимися, не говоря уже о всевозможных «вымыслах». Скупляя грунтов, как казачьих, так и посполитых, нередко с помощью насилия, чтобы составить себе земельное владение и укрепить за собою гетманским универсалом, утайка свободных дворов при ревизиях, освобождение за взятки казаков от походов, посполитых от общенародной повинности, употребление казаков и посполитых для своих домашних надобностей – все это пускали в ход предприимчивые сотники, чтобы создать свое экономическое положение и сделать его независимым. Некоторые из этих средств настолько вошли в обиход, что в обществе того времени стали считаться вполне дозволенными. В 1719 году сотник Смеловсий, обвиняемый между прочим монастырским городничим в том, что употреблял казаков для своих домашних работ, на следствии показал «незапираючися, же козаки тые, которые пешие и зубожалые чинять роботизною до двора моего послугу, тое не за

мене стало, але и прежде мене бывшим сотникам в роботизнах такие козаки чинили помогу, а який козак конный в чом роботиз-ною своею вигодит, то уже тое чинит не з указу, але з прошения» [4]. Таким образом, стал господствовать взгляд «що всякая власть без повинности не обходится», как выразались полтавцы в 1714 году в прошении гетману Скоропадскому [5]. Расслоение рядового казачества, возвышение старшины на счет народа, из недр которого она вышла, стремление фамилий, достигших уряда, создать себе экономическое могущество – все эти причины отразились и на выборах сотников. Население, чувствуя свою зависимость от богатых семей, подавало за них голоса и на выборах, тем самым содействуя им еще к большому обособлению. Иные богатые семьи как бы монополизировали в своих руках сотничество, сделав его почти наследственным. Так, в борзенской сотне 15 лиц, побывавших в этой должности, 10 принадлежало к фамилии Забелов, в Олишевской сотне около 90 лет должность сотника оставалась в семье Шрамченков, в Воронежской сотне – около 50 лет в семье Холодовичей [6]. Еще в XVII в. в выборы сотников начинают вмешиваться высшие власти; так, в 1681 году короповским сотником был назначен Довгеля, уроженец Веркиевской сотни. В XVIII же веке это явление делается обычным. Российское правительство долгое время не мешалось во внутренние распорядки Украины, боясь, очевидно, навлечь на себя обвинение в нарушении прав и вольностей. Измена Мазепы скомпрометировала в глазах Петра как высшую, так и низшую старшину в сепаратических стремлениях и дала ему прекрасный повод начать поход на украинскую автономию. Задача облегчалась еще тем, что разлад, существовавший между старшиною и народною массою, оставлял ее без всякой поддержки перед обвинениями как в политической неблагонадежности, так и в угнетении простого народа.

Очистив ряды старшины от подозрительных элементов, посадив на полковничьи уряды верных лиц великороссиян или даже иностранцев своей властью, помимо гетмана, Петр обратил внимание и на выборы сотников, опасаясь, чтобы и тут не свила себе гнезда измена. Следствием этого был указ 21 января 1715 года Скоропадскому, которым повелевалось «полковникам в полковую старшину и сотники собою не выбирать и не учреждать, а когда в котором полку будет порозжее место полковой старшины или сотника, тогда полковнику учинить совет по приговору общему, назначить к тому людей заслуженных и в верности неподозрительных человек двух или трех и представлять гетману» [7] и состоящему при нем русскому министру для утверждения одного из них сотником. Само собою разумеется, население не могло спокойно примириться с этим нововведением и, в случае назначения сотником неугодного ему лица, иногда выражало протест. Мы имеем сведения о бунте в местечке Носовке Киевского полка, возникшем на этой почве в 1719 году, в гетманство Скоропадского, с обстоятельствами которого мы и познакомим читателей. Насколько можно судить по следствию, произведенному генеральным есаулом Жураковским и войсковым канцеляристом Ханенком, дело происходило так [8]: когда Шаула «ради немощи и некоторых чрез его показавшихся тамошним людем обид» был отставлен от уряду, «Носовские обиватели на исход сеей весни бувши у мене в Глухове, - писал в июле месяце встревоженный бунтом и боясь, очевидно, ответственности за происшедшее перед Петром гетман Скоропадский государственному канцлеру Галовкину, - збравши себе в место единогогласными вотами Трофима Билину на уряд сотничества просили и моего на тое соизволения; я прето знаючи его Билни к тому згодность, же и перед тим был у их сотником, велелем обыкновенным порядком на верную Его Величеству службу виконати присягу и универсал «мой на тот сотничества уряд видати». К сожалению, при деле не имеется прошение, поданное Скоропадскому от имени Носовских обивателей о назначении Былины сотником; надо полагать, что оно было подписано лишь группой его сторонников, присвоивших себе представительство от целого местечка. Очевидно, они не стеснялись этими формальностями, надеясь на поддержку, которую, вероятно, имел Былина в Глухове. В то время, когда в Глухове уже решалась судьба Носовского сотничества, в Носовке вся чернь – как товариство, так и все посполство – решила, что сотником на их уряде следует быть никому другому кроме Антона Ястрембского, который в бытность свою в Носовке атаманом заслужил всеобщую любовь, так как «безобидно з людми обходился». Когда же универсал, данный Былине на наказное сотничество был прочитан на площади во время базара раз в пятницу,

другой раз в понедельник, «теди все посполство, - по словам следствия – почувши тие слова, же волно кого хотя избрати на сотництво, крикнуло на Ястрембского и укрили его шапками даючи сирно и хотели ему корогов зараз вручити» [9]. Из этого факта, указывающего на то, что посполство принимало такое горячее участие в выборе, можно заключить, что прежде, когда об административном воздействии не могло быть и речи, посполство вместе с казаками принимало активное участие в государственной жизни. Намерение посполства вручить корогву доказывает, что оно имело в прошлом также прецеденты и что демократический дух его не заглух еще, несмотря на политику гетманского правительства. Заслуживает внимания еще то обстоятельство, что Ястрембский, как видно из его сказки, уроженец города Борзны нежинского полка, с 20-летнего возраста посвятил себя военной деятельности, служба то у Палея, то в Сечи запорожской, то под Азовом до самого того времени, когда, переселившись в Носовку, был избран там атаманом, на каком уряде пробыл пол года; можно полагать, что полковой старшине было не по душе это избрание. Ястрембский, видя, на чьей стороне симпатии населения, «будучи певним, же посполство на его даст голос» - говорил – хочай тилко 5 albo 6 товариства зо мною до п-на полковника поедут, надеюся быти сотником, а когда зостану на уряде, не буду вам жадних долегливостей чпнити». Таким образом, по предложению Ястрембского, была составлена супплека полковнику, на которой подписались его единомышленники. С некоторыми из них Ястрембский ездил в Козелец к полковнику, который ему посоветовал для успешности его дела отправить несколько человек из товариства с супплекою в Глухов к гетману, а самому оставаться дома. Ястрембский, не теряя еще, очевидно, веры в успех своего дела; отправил в Глухов 6 человек товариства, которые, вернувшись, сообщили, «что на супплику отказано; Былина меет бытии сотником». Дальнейшие события разыгрались уже помимо его желания, и предупредить их он все равно был бы не в силах, и обвиняемые в Носовском тумулте, на вопрос о том: «не возбуждал их Ястрембский до того, чтобы смятение учинивши, всеконечне Белине корогви не давати? – згодне все сознали, что он Ястрембский о том им никогда не говорил, тилко як его посполство, за вичитанем першого универсалу, избрали за сотника од того часу видаючися он з нимы прошовал всякого, чтоб слова своего не отменяючи держалися при нем, и потому оны як з початку, так и до конца на его давали голос, звлаща, же он будучи чрез килка часу в Носовце атаманом, добре з всеми обыходился, а Билина яко был за прежднего своего сотництва многим починил обыди и того ради посполство оним вознегородили». Возбуждение достигло крайнего предела к тому времени, когда должно было происходить традиционное вручение корогви новоизбранному, окончательно закрепляющее за ним власть. В назначенный день для исполнения обряда прибыл в Носовку полковой есаул киевский Ханенко с полковым хоружим и писарем и вместе с Былиною отправились на площадь, где уже собралось много народа на раду. Пан есаул велел писарю читать пространно всем вслух гетманский универсал, затем, взяв корогву от хоружого и «отдаючи оную Белине, начал до товариства и посполства говорити обявляючи п-на Билину за целого сотника». На его речь из толпы отозвался Яцко Шиша «з такою мовою: Бридня се, ти приихав червоних брати. Бували перед сим аренди на горелку, и ви тепер нас живих людей арендуете!» После этих слов поднялся шум, раздались крики «жебы не дать корогви Белине, многие бросились до корогви и стали вырывать ее из рук Былины и дrevко сломали вследствие сопротивления Былины и его сторонников; во время общего смятения неизвестно кем был вырван и потоптан гетманский универсал «на уничтожение чести рейментарской», как выражается следствие. Вирванную корогву в сопровождении толпы народа понесли под судовню, а оттуда уже она была взята в церковь. Ястрембский приехал в Носовку из своего дома после этого происшествия, когда уже отняли корогву. Его встретили со словами: где ти передсим отгодился: мы б тебе корогов были отдали?» «Ми ему хотели отдати корогов, тилко же была уже в церкви, для того ей оттоль не взялисмо». По совету других, Ястрембский ходил с хлебом к полковому есаулу и с ним человек 70 посполитых, чтобы показать ему, что за ним стоит все посполство. Есаул не принял депутации и угрожал ей за беспорядки. Попытались было сторонники Ястрембского испытать последнее средство и отправили «повторную супплику» в Козелец к полковнику; так как никто с товариства ехать не хотел с нею, то отправили 2 посполитых, «которих там в вязеню и

удержано». Дело Носовского посольства было проиграно: их единодушные усилия, их непоколебимое сознание в правоте своего дела разбились о формализм глуховских правителей. Может быть, Былина для достижения своей цели употребил и подкуп, - сказать утвердительно за отсутствием данных мы не можем. Финал Носовского бунта для его участников и Ястрембского, который был признан «поводцем и принципалом бунтовничим», окончился печально: они были арестованы и заключены в тюрьму (арестовано было, насколько можно судить по следствию, 12 человек). Какое наказание постигло их по суду, мы, к сожалению, не знаем. Надо полагать, что не легкое, если Скоропадский в письме к Головкину обвинял их в том, что они есаула полкового и новоизбранного сотника «ганебне безчестили и на убийство их обоих устремлялися». Носовское дело ясно показало, что демократические стремления еще живы в украинском народе, что они не успели еще окончательно заглухнуть. Антон Ястрембский ставленник посольства, он его истинный избранник, провести которого на уряд оно желало во чтобы то ни стало. В Носовском деле роль товариства не выступает так ясно, как посольства. Здесь столкнулись народное право и канцелярский произвол; здесь ярко сказались приверженность народа к выборному началу, наивная уверенность в превосходстве своего права, в правоте своих стремлений; этим беспочвенным мечтам (по условиям того времени) суждено было погибнуть, как и демократическому строю старой Гетманщины.

Библиография

1. Опис. Стар. Малор. т. 1. стр. 381.
2. Ефименко. «История украинского народа» вып. 2. Спб. 1906, стр. 268.
3. Рецензия Мякотина на II т. Опис. Стар. Малор. Зап. Акад. Наук по истор-филол. отд. т. II. стр. 35.
4. Хар. Истор. Архив. Д. М. К. Черн. отд. № 25886.
5. Рецензия Джижоры. Зап. Наук. Т-ва имени Шевченка. 1906. т. 1. стр. 197.
6. Опис. Стар. Малор. т. II. стр. 135, 338, 184, 122, 309.
7. Материалы для истории эконом. юрид. и общ. быта ст. Малор. вып. II. стр. 261.
8. Х. И. А. Дм. К. № 18201.
9. Ibidem.

Приложеніе

А во первихъ допрошван был самый поводца и принципаль бунтовничимъ способомъ отъ посуплства избранний на сотництво Антонъ Ястрембский: для чого онъ будучи в Носувку пришелцемъ, старался о уряд тамошнего сотництва? Тако ж для чого ведаючи уже, что уряд тот властію рейментарскою п.Билине врученъ, по замешаню за оний принялся? Ответоваль Ястрембский таковимъ порядкомъ: одъ того часу якъ повернулся з Глухова п-нь Трофимъ Билина и привіозъ уневерсаль Ясне-Велможного на наказное сотництво себе данний, начали посуплство о немъ Ястрембскомъ, жебы его озбрат сотникомъ, проговорувати; когда зась под час торгу тотъ уневерсаль публичне был читанъ, в тое время и онъ стояль тамъ же между людьми оподаль од п. Билини, тогда на ослоне сидевшого; а якъ чернь почули, же в уневерсале виражено тое, чтоб кого товариство поволят избрали себе за целого сотника, крикнуло все посуплство на его даючи голосъ, и вкрили оногo шапками, мовячи сирно: по якомъ посуплства крику он з некоторими принципалнейшими своей стороны товариствомъ советоваль, жебы ехати з супплекою до п-на полковника въ Козелець; на що когда едни з них до того призволилися, теди онъ, списавши супплеку и поподписувавши на оной имена своих единомислниковъ, ездиль самъ по ихъ господахъ и приказоваль имъ зездитися до двора своего недалеко од места будучого, з которого и поехали в Козелець, где за прибытемъ своимъ нечего болше од п-на полковника на супплеку свою не отобраль в ответ; тилко абы и он, Ястр, когда Билина з товариствомъ забератимется до Глухова, несколько товариства своей стороны посилаль туда ж до Ясне-Велможного з супплекою; а самъ би удержался в госпoде, що онъ такъ и учиниль; виправиль шести человека, именно Лукяна Шишу, Степана Калченка, Трофима Круглика, Бокума Поживутка,

Мартина Баклана, и Павла Турбенка; котории повернувшись не з чимъ з Глухова, тое тилко сказовали, же Былина мееть быти сотникомъ, а иншого ответу не принесли жадного. Якъ же Билина приехалъ з уневерсаломъ, а потомъ побувавши в Козелце у п-на полковника приехал сполне з п-номъ Ханенкомъ асауломъ полковимъ до Носувки, и як мель бити оголошван уневерсал панский, в тотъ час он сидель в дому, и когда учинился тумултъ в месте, не былъ тому притомний, тилко уже по обеде всевши на коня поехалъ къ месту неведаячи еще в городе сталосся? бо и не зналь запевне, чи приехалъ п-нъ асаулъ полковий и зачимъ? жеди жъ хочай и говорилъ о томъ з Тосляхомъ, атаманомъ куреня вербувского, идучи з церкви еще перед обедом, чи приехалъ п-н асаулъ, однак же и тот чи не ведалъ, чи не хотель сказать жадной о прибытіи п-на асаула и что мела того дня п. Билине вручатися корогов, не имель певности. Когда зась приехал до дворца своего под местомъ будучого, там уже известилься, же в месте посполство учинивши галас, короговъ у Билини одобрали и хотели, тилко же на тот час он не згодился, ему отдати, и любо приходиль до его Семень Вилский, даючи о томъ знати, сподеваючись застат его в дому далеко од места будучомъ, однакъ уже не засталь его на местцу, бо уже тогда отехалъ онъ до города; которий, постановивши коня у дворце своемъ, пошоль самъ пехотою в место, и якъ зближилься тамъ, где посполитий народ скупилься, начали ему многіи говорити: где ти перед симъ отгодилься, мы бъ тебе короговъ были отдали и пишіи слова о учиненю его, а не кого иного посполитий народ произносиль и примушали его, жебы пошоль до пана асаула полкового ознаймуючи, ижъ целе его все посполство избирают за сотника. Однакъ онъ, не пристаючи до такового посполитого народа воле, взяль Колас и пошоль до п-на асаула того ради, жебы з нимъ повидатися. П-нъ асаулъ зась тогда былъ передъ дворомъ отца Томашовского, намесника Носовского, куда и он когда пришель и за нимъ вслед члка з 70 туда ж пришли, п-нъ асаулъ од его, Ястр., не принявши хлеба и самого его жъ и з нимъ пришовшихъ з погрозками за тумултъ отправиль. Отколь возвратившись бавилься з посполитствомъ на месте до самого вечера и позно уже всевши на коня одехалъ до господи своей далеко от места найдуючейся. А на утрейший ден знову вместе зийшовшиися з тими, которіи до збираня оного принципалнейшіи были, предлагаль, чтобъ за нимъ ехали до п-на полковника з супплікою в Козелець, и когда нехто з них ехати не поднялся, в тот час по совету з своими единомислими виправили з супплікою до Козелця едного козака, а другого посполитого, которихъ тамъ и удержано: а яко першую суппліку, когда его по вичитаню уневерсалу рейментарского на наказниство п.Билине данного, посполство избрали сотникомъ, самъ онъ велель писати, такъ и повторную онъ же спорядивши посилаль до Козелця, тилко ж не без ведома тих.

Антонъ Ястрембский о житіи своемъ прежномъ таковую даль сказку: родиль ся онъ в городе полку Нежинского Борзне, одколь в двадцяти летехъ пошол служит в компанію, над которою былъ полковникомъ покойний Ковецкий, где служивши летъ 6, потомъ отставши удалъ ся до Сечи Запорожской и тамъ служиль конно чрез роковъ 8; а оттуду пошовши на низъ Дону, когда войска Царского Величества взяли городъ Озовъ, служиль тамъ роковъ 3 на полевой сторожи, беручи плату на четверть рублей по 10; четвертого зась року пришовъ до Палія служити, при которомъ мало побавившиися, бо его того ж року на Северъ взято, зосталься при компаніи, якая была под коммендою Михаила бывшего полковника Белоцерковского и при той компаніи найдовалься, ажъ до повороту Палеевого з северу, а якъ уже п-нъ Антоний Танский зосталь полковникомъ Белоцерковским, онъ былъ при немъ сотникомъ в Ковшовате. Когда зась по указу Царского Величества з там того боку Днестра обывателе на сюю сторону переходили, в тот час и онъ сюда перебралься в Моровску, потомъ оттолъ переселилься в Носувку, где и атаманомъ с полъ рока былъ, потом за якъ од атаманства одставлень, до сего часу мешкаль тамъ же в Носувце.

(X. И. Ар. ДѢл. М. Кол. Черн. Отд. № 18201)